

Сандра Барро

КОМБИНАЦИЯ
ЛЮБВИ
ШЕЛКОВАЯ НИТЬ

Сандра Барро

Комбинация любви.

Шёлковая нить

<https://litres.ru/74084074>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба дала мне второй шанс, забросив в прошлое. Но — с подвохом.

Прощай, медсестра Леночка! Здравствуй, графиня Софья Раевская.

Мой муж, суровый кавказский князь, ненавидит этот брак так же сильно, как и я. Ему навязали жену, мне — чужую жизнь и властного горца, который не скрывает своего презрения. Я не просто выживу в этом союзе, но и заставлю Мусаила Дахшакова сменить гнев на милость, а холод в глазах — на искреннее обожание. Х.Э.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сандра Барро

Комбинация любви.

Шёлковая нить

Глава 1

Запах в боксе «Грязелечения 3» стоял специфический: густой тяжёлый дух сульфидной иловой грязи, напоминающий одновременно мокрую весеннюю землю и протухшие яйца. Для отдыхающих санатория «Целебный ключ» это был аромат долгожданного исцеления. Для меня же — абсолютно привычный фон, потому что я работала здесь медсестрой.

— Леночка, ну не будь ты такой колючей, — Эдуард Романович, наш заведующий гастроэнтерологией, настойчиво прижал меня к холодному кафелю. Его тонкие усики нервно подёргивались прямо возле моего уха, вызывая желание немедленно почесаться.

Эдик был мужчиной амбициозным, но как врач — совершенно никчёмным. Из той породы людей, кто с умным видом рассуждает о «высоких медицинских материях», а сам, без подсказки жены, не может отличить банальный гастрит от несварения желудка.

— Эдуард Романович, — я попыталась выставить вперёд

локти, но в узком боксе манёвренность у меня была, как у парализованной селёдки. — У меня пациент электрофорез ждёт. И вообще, вы же женаты!

— Женат? — он горько усмехнулся, и его костлявая, неприятно влажная рука легла мне на талию. — Лена, ты же видела Сашеньку? Это же не женщина, это монумент «Родина-мать». Я в этих складках жира задыхаюсь! Она за собой совершенно не следит, родить не может. Врачи говорят: вес мешает. Я устал, Лена. Хочу видеть рядом что-то тонкое, изящное как ты.

Он прижался ко мне сильнее, и я невольно втянула и без того плоский живот. «Тонкое и изящное» — это про меня, ага. Двадцать восемь лет, а в профиль меня можно заметить, если сильно зажмуриться. Одни кости, сиротливо обтянутые бледной кожей, да жиденькие светлые волосы, которые я вечно прячу под колпачок.

— Эдуард Романович, больные ждут... — пискнула я, извиваясь в попытке вывернуться из его захвата.

— Пусть подождут. Ты же видишь, я с ума схожу. Я клинику свою открою, — жарко зашептал он, обдавая меня удушливым запахом мятной жвачки. — Разведусь. Ты будешь королевой, Леночка Будешь дома сидеть, детей растить, платья выбирать...

Я на мгновение замерла. Внутри что-то предательски дрогнуло. Не от любви, нет. От какой-то тупой безысходной усталости. А вдруг? Вдруг этот никчёмный суетливый Эдик

— мой единственный билет из этого бесконечного круговорота капельниц и вонючей грязи? Ну и что ж, что усики. Зато замуж зовёт.

Почувствовав моё замешательство, Эдуард Романович воспринял его как сигнал к действию и с невероятной скоростью стянул с себя медицинские брюки и рубашку. Я в немом отвращении уставилась на его бледное тело. Он стоял передо мной в одном нижнем белье и чёрных носках. Мужчина подался вперёд, пытаясь поймать своими влажными губами мои.

В этот самый момент со стороны коридора послышался звук открываемой двери, и раздался голос:

— Эдик. Ты здесь?

На пороге стояла Александра Дмитриевна Голубкина. Она же БТР.

Это прозвище я дала ей сама. Коллеги с радостью подхватили, и в нашем санатории по фамилии её больше не называли. Александра Дмитриевна прекрасно об этом знала и лишь посмеивалась. Толстуха с одышкой, но специалист отменный. К ней ехали со всего края и со всей страны. И никому она не отказала в помощи. Даже зарвавшимся богачам, сперва мастерски осадив их спесь терминами и перспективами окончательной потери здоровья.

Она была огромной. Фундаментальной. В своём белоснежном халате казалась айсбергом, который пришёл, чтобы окончательно потопить мой дырявый Титаник позора и ви-

ны. Самое обидное, что БТР была доброй. Она всегда заботливо подсовывала мне домашние котлеты в ординаторской, приговаривая: «Ешь, Метликина, а то тебя ветром в Пятигорск унесёт!».

— БТР! — в панике вскрикнула я, изо всех сил отталкивая от себя полуголого кавалера. Эдуард Романович отлетел от меня так стремительно, будто я была под напряжением в тысячу вольт, шмякнулся на пол и начал делать вид, что увлечённо что-то ищет под кушеткой.

— Оздоровительные процедуры, значит? — вкрадчиво поинтересовалась его супруга.

— Сашенька, это не то, что ты думаешь! Мы обсуждали методику электрофореза! — неожиданно сорвавшись на фальцет, прокричал мой несостоявшийся любовник.

Потихоньку привстав, я бочком, вжимаясь в стену, двинулась к двери.

— Я тебе сейчас такой электрофорез устрою, — страшно прорычала Александра Дмитриевна.

Шагнула навстречу, схватила меня за шкуру и буквально вытолкнула в коридор, от души поддав при этом под костлявый зад.

— Ах ты ж, дистрофия недолеченная! Дура ты, Метликина. Домой иди. Смена кончилась, — бросила она мне вслед, прежде чем закрыть дверь и, судя по звуку, начать воспитательный процесс над мужем.

Я бежала по длинному коридору, не разбирая дороги, чув-

ствуя, как по щекам ползут злые горячие слёзы.

Вечер в Кисловодске выдался хмурым. В кафе «У фонтана» было почти пусто. Я сидела напротив своей подруги Светки, яростно ковыряя вилкой кусок жирного медовика. Глаза распухли, а внутри разливалась жгучая обида на весь мир.

— Ну, всё в моей жизни не так! Вообще всё! — всхлипывала я. — Жизнь — однообразная, профессия, которую не выбирала! Я же даже поправиться не могу! Одни кости. Никто замуж не берёт, только вот такие Эдики в носках по углам зажимают.

Подруга сочувственно вздыхала, а меня уже было не остановить:

— Понимаешь, Свет, я же её уважаю, — я чувствовала, как горло перехватывает спазм. — Она ведь по-настоящему добрая. Александра Дмитриевна... БТР наш... Она мне эти котлеты из лоточка своего чуть ли не силой впихивает и приговаривает: «Ешь, Ленка, а то прозрачная совсем, замуж никто не возьмёт, ветром унесёт». А я? Я с её мужем в боксе обжимаюсь... То есть это он меня... Тьфу! Мерзко-то как, Господи!

Я зажмурилась, и перед глазами снова всплыл Эдик — в одних носках и трусах: жалкий, суетливый, со своими тараканьими усиками. И громоподобный голос Александры Дмитриевны, заставшей этот позор.

— Да ладно тебе, — Светка сочувственно вздохнула и сделала внушительный глоток вина из бокала. — Эдик — козёл. Это в нашей санатории даже кошки знают. А ты просто запуталась, Лен. Устала. Хочется же, чтобы кто-то пришёл, обнял и просто спас от всего этого.

— Да кто меня спасёт? — я со злостью оттолкнула тарелку. Приторно сладкий медовик остался почти нетронутым. — Посмотри на меня внимательно. Мне двадцать восемь лет, Свет! А веса во мне сорок пять килограмм. Бараний вес в базарный день и рост метр в прыжке. Тонкие волосы, которые после смены под шапочкой выглядят как прилизанная пакля, груди нет, одни кости торчат во все стороны. Мама любит повторять: «Это, Леночка, порода». А какая это, к чёрту, порода? Это дефицит массы тела, третья степень истощения, если по учебнику! Ни один нормальный здоровый мужик на голые кости не бросится. Только вот такие недоразумения, у которых комплексы размером с Эльбрус и желание самоутвердиться за счёт той, кто слабее.

Я замолчала, тяжело дыша и глядя на свои руки медсестры, которая каждый день делает одно и то же. Коротко подстриженные ногти, кожа, вечно пахнувшая антисептиком и хлоркой.

— А самое обидное, Светка... самое страшное даже... что жизнь-то мимо идёт. Вся какая-то серая, как больничная кафель в процедурной. Я ведь шить хотела, ты помнишь? Как я нам в восьмом классе юбки из старых штор перекраива-

ла? Все девки из параллели тогда обзавидовались: думали, из Москвы привезли. Я же ткани чувствую, Свет. Я пальцами понимаю, как шёлк пойдёт, как складка ляжет, где нужно присобрать, чтобы фигура появилась там, где её и в помине нет...

— Помню, конечно, — Светка грустно улыбнулась. — Ты тогда даже на конкурс какой-то в Ставрополь хотела ехать, эскизы рисовала по ночам.

— Хотела, — я горько усмехнулась, чувствуя вкус вина на губах. — А родители что сказали? «Леночка, швея — это копейки. Сейчас всё из Китая везут, на каждом углу тряпки висят. Кому твои индивидуальные пошивы нужны в наше время? Будешь со старыми тётками в душном цеху сидеть, глаза портить и замуж никогда не выйдешь. А медицина — это хлеб. В санатории всегда люди будут, там и мужа себе найдёшь. Полковника какого-нибудь на отдыхе или врача приличного.». И что в итоге? Нашла? Вот он, мой «врач» — Эдик с усиками и БТР в нагрузку.

Я потеряла лицо ладонями, пытаюсь стереть ощущение липкого стыда.

— Я сегодня, когда из бокса этого вылетела, когда Александра Дмитриевна меня за шкурку, как котёнка помойного, выставила... вдруг поняла: не хочу больше. Ни шприцев этих, ни клизм, ни электрофореза. И Эдика этого видеть не могу. Я хочу, чтобы всё было совсем по-другому. Чтобы красиво, понимаешь? Чтобы по-настоящему. Чтобы дух захва-

тывало от одного взгляда на мир... А вместо этого у меня — дождь, медовик и стыд перед женщиной, которая меня котлетами подкармливает.

За окном небо окончательно почернело. Крупные капли забарабанили по стеклу с новой силой, полностью скрывая огни Кисловодского парка. Казалось, город растворяется в этой воде.

— Знаешь, — я подняла глаза на подругу, и голос мой сорвался на шёпот, — мне иногда кажется, что я просто родилась не в то время. Или не в том месте. Вся моя нынешняя жизнь — она как чужое платье. Громоздкое, колючее, оно висит на мне мешком, потому что я для него слишком тощая и неправильная. И ведь перешить его нельзя, Свет... Только выбросить и начать заново. Но где взять новую ткань?

Глава 2

Колокольчик звякнул над дверью кафе, выпуская меня в холодную влажность вечера. В Кисловодске воздух перед дождём всегда особенный: пряный, густой, с ароматом хвои и роз, но сейчас он казался тяжёлым, предвещающим настоящую бурю. Небо над парком налилось чернильной густотой. Я уже собиралась поглубже втянуть голову в плечи и бежать к остановке, как вдруг увидела их.

У соседнего ресторана, чьи панорамные окна вызывающе сверкали золотом и хрусталём, было шумно. Четверо дюжих охранников в чёрном, похожие на одинаковые, обтянутые тканью шкафы, грубо выталкивали на улицу женщину. В этой нелепо размахивающей руками необъятной фигуре я с ужасом узнала БТР.

— Пошла вон, нечего тут представление устраивать! — рывкнул один из охранников, толкнув её так, что та едва устояла на ногах.

Обманутая жена была мертвецки пьяна. Попыталась что-то выкрикнуть, замахивалась на верзил сумочкой. Сняв туфли на платформе и забросив их в кусты, Александра Дмитриевна, хромая и едва удерживая равновесие, побрела босиком в сторону парка. Первые капли дождя ударили по асфальту, выбивая пыльную взвесь.

— Чёрт бы всё это побрал, — выдохнула я, чувствуя, как

внутри всё сжимается от злости и жалости.

Мне безумно хотелось домой, в сухую постель, чтобы забыть этот день как страшный сон. Но бросить её в таком состоянии одну в пустующем ночном парке? Совесть, будь она неладна, потянула меня следом.

— Подождите! Александра Дмитриевна! — крикнула я, но она словно не слышала.

Голубкина, несмотря на опьянение, шла быстро, целенаправленно забирая вглубь, к Лермонтовской площадке. Дождь ливанул со всей силой, мгновенно превратив дорожки в бурлящие потоки. Гроза накрыла город внезапно: небо вспорола ослепительная молния, и следом грохнуло так, что заложило уши. Я видела её силуэт у каменной лестницы, но стоило мне моргнуть от очередного сполоха — и женщина исчезла.

— Куда же вы? — задыхаясь от бега и ледяной воды, я добежала до решётки, за которой в вечном полумраке скрывался Демон.

Вцепившись в холодные прутья, я старалась разглядеть хоть что-то в глубине ниши. Внутри было пусто. Только запах сырости и старого камня. И тут мир вокруг взорвался. Молния ударила прямо в решётку. Белый невыносимый свет выжег сетчатку. Я почувствовала, как по рукам прошёл разряд такой силы, что мышцы свело судорогой. Я пыталась отодрать ладони от металла, кричала, но голоса не было, только звон в голове. Откинув голову назад, обернулась и в этот

миг увидела ЕГО. Огромный ангел с крыльями, отливающими белой сталью, расправил их над площадкой и мощным рывком взметнулся в чёрное небо, разрывая тучи.

Ещё один удар грома, слепящая вспышка в глазах — и мир вокруг меня перестал существовать. Осталась только звенящая бесконечная тишина.

Я пришла в себя оттого, что мне было невыносимо жарко. В нос ударил запах уксуса, полыни и чего-то застоявшегося, лекарственного. Толстое одеяло, подбитое мехом, давило на грудь, словно могильная плита. Я предприняла попытку вдохнуть, но горло разразилось кашлем.

— Слава Богу, жар сошёл, — раздался надтреснутый голос совсем рядом.

Открыв глаза, я тут же зажмурилась от яркого дневного света, льющегося из высокого окна. Потолок... он был украшен лепниной. Золочёные ангелы, вензеля.

— Сонечка, ты слышишь меня?

Возле меня сидела женщина. Она была очень худой, наверное, даже хуже меня. В тёмном платье, с плотно сжатыми губами и внимательными глазами. Лицо её было бледным и измождённым, а глаза смотрели с такой тревогой, будто я только что вернулась с того света.

— Где я? — мой голос прозвучал слабо, с какой-то странной хрипотцой.

— Дома, — женщина приложила прохладную ладонь к

моему лбу. — Ты подхватила ужасную инфлюэнцу, Софья. Неделю в бреду металась, всё звала кого-то... Мы уж думали, к мужу отправишься, вдовий удел недолог... Но ничего, выкарабкалась. Благо, кризис миновал. Доктор так сказал.

Я почувствовала приступ головокружения, и меня снова бросило в жар. Мысли путались, словно в калейдоскопе. Кисловодск... кафе... Светка... Проливной дождь стеной и АНГЕЛ! Как всё это могло превратиться в душное тепло этой комнаты и сухой голос незнакомой женщины? Нахмурившись, я попыталась сфокусировать взгляд и ещё раз внимательно рассмотрела тётку, сидящую рядом.

Приятного впечатления эта сухопарая особа не производила. На вид ей можно было дать около сорока лет, хотя лицо её принадлежало к тем, по которым возраст определить невозможно. Мелкие морщинки вокруг тонких губ, глубокие носогубные складки. Вся её внешность была какой-то чопорной. Даже тревога во взгляде не могла смягчить этой угловатости.

— Вы кто? — мой голос прозвучал скрипуче. Горло царапало, словно я проглотила наждачную бумагу. — И что вам от меня нужно?

На последних словах голос совсем пропал, и я их просто просипела, с трудом выдавливая остатки звука. “Бледная моль” поджала губы, которые и без того были ниточкой, и широко распахнула свои блёклые, почти бесцветные глаза. Она выглядела искренне шокированной.

— Что значит: «кто»? Сестра твоя единокровная Капитолина! — прошипела она в ответ, и в её голосе сквозило такое недоверие, что мне стало не по себе. — Софья, немедленно прекрати эти свои ужасные шутки! Хватит, я не хочу их слышать.

Она подалась вперёд, и я почувствовала лёгкий запах бергамота, исходивший от её строгой фигуры.

— Всё это твоё вольнодумие невероятно раздражает меня, — продолжила она. — А язвительный язык скоро будет стоить нам всех приглашений в приличные дома. И так уже шепчутся, что графиня Раевская в речах слишком много себе позволяет. Что совсем не соответствует вдове, чья жизнь должна быть подвержена глубокой скорби.

Я открыла рот, чтобы что-то возразить, но тут же захлопнула его. Графиня Раевская? Вдова? Я?! Мой мозг отказывался воспринимать эти слова. Что за абсурд?

— Господи, я ночей не сплю у её постели... Компрессы меняю. С ног уже падаю, а она так бессердечно шутит надо мной, — добавила “сестра”, вытащив из рукава платок, видимо, считая, что я издеваюсь.

Сестра? Капитолина? Бред какой-то... Да у меня никогда не было ни сестёр, ни братьев! Я вообще была поздним ребёнком в своей семье. Отец, помню, бросил нас с мамой, когда мне исполнилось пятнадцать. Уехал куда-то на Кубань. И больше я его не видела. Потом мать сказала, что он погиб там на работе. Несчастный случай. А сама, едва дождав-

шись моего окончания медицинского училища и двадцатилетия, свинтила в Австралию к какому-то мужику. Оставив в качестве прощального подарка скромную двушку из старого фонда в центре Кисловодска. С этого момента я полностью принадлежала себе, лишь изредка созваниваясь с матушкой по видеозвонку в мессенджере. Меня поддерживала двоюродная тётка, но и она не слишком-то часто проявляла активность. Так откуда у меня могла появиться сестра, тем более, старше меня? Причём явно сумасшедшая, судя по её манерам и высказываниям?

Тяжело откашлявшись, я почувствовала, как в груди всё хрипит и клокочет. Каждое движение отдавалось в висках тупой болью.

— Женщина, прекратите на меня шипеть, — я попыталась придать голосу строгости, но он опять сорвался на сип. — Как вас там? Капитолина? Ну и имечко... За свои сознательные двадцать восемь лет я не встретила ни одного человека с таким именем, разве что в любовных романах!

Сделав паузу, чтобы перевести дыхание, я впилась взглядом в собеседницу. Та замерла, её бледная рука так и осталась висеть в воздухе, не донеся платок до глаз.

— Ещё раз спрашиваю: где я нахожусь и какое сегодня число? — продолжила я, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Мне на работу надо! У меня в журнале всё распланировано: больным нужен электрофорез, кому-то грязи... Боже, меня же уволят!

При мысли об увольнении сердце сжалось. Хотя, если честно, уйти из санатория означало бы больше никогда не встречать Эдика в коридорах и не сталкиваться с Голубкиной по прозвищу БТР. Эта женщина-танк после того, что случилось, точно не дала бы мне дальше спокойно существовать. «Надо искать новую работу.» — пронеслось в голове, но голос Капитолины вырвал меня из этих планов.

Женщина отпрянула, словно я в неё плюнула. Она приложила костлявую руку к губам и коротко икнула, глядя на меня с нескрываемым ужасом.

— Соня... Не пугай меня! Какая работа? Какой «форез»? Ты в своём уме? Дворянка, графиня — и работать? Опомнись! О каких больных ты толкуешь? У нас в доме только старый кучер Прохор на лому в ногах жалуется. Да ты вот занемогла. Я немедленно посылаю за доктором. У тебя бред, ты всё ещё во власти лихорадки! — она всплеснула руками, поднялась с кресла... И я, наконец, смогла рассмотреть её наряд.

На незнакомке было надето нечто совершенно невообразимое для современной жизни. Тяжёлое платье из тёмно-коричневого шёлка, который не ложился складками, а стоял колом. Лиф платья плотно облегал фигуру, подчёркивая практически полное отсутствие груди, и имел высокий воротник-стойку, доходивший практически до подбородка. Длинные рукава, узкие в запястьях, расширялись к предплечью, а затем снова сужались, заканчиваясь воланом. На поя-

се висел небольшой кошелёк из бархата и связка ключей, побрякивающих при каждом движении. Под юбкой угадывался кринолин или множество подъюбников, придающих платью объём. Волосы были аккуратно собраны под скромным кружевным чепцом, который делал лицо ещё более длинным и строгим. Никаких украшений, никаких брошей, кроме маленькой, почти незаметной булавки на воротнике и нитки мелкого чёрного жемчуга.

В таком виде только в музее восковых фигур стоять. Всё это казалось таким ненастоящим, таким театральным. Словно я попала на съёмочную площадку какого-нибудь исторического фильма.

«Сестрица» заметалась по комнате, шурша юбками. Остановившись у окна, Капитолина обернулась, и её лицо выражало крайнюю степень отчаяния.

— Послушай меня внимательно! Государь лично прислал справиться о твоём здравии. Траур по графу Раевскому официально окончен. Император велел нам быть на балу через три дня. И это не просьба, сестра, это приказ! Николай Павлович отказов не терпит. А твоё затворничество и так затянулось за все приличные рамки. Ты что, совсем память потеряла в своей болезни? Какие двадцать восемь лет? Тридцать тебе уже, душечка! Пора бы и взростеть.

Эта особа подошла ближе и почти нависла надо мной. От неё пахло чем-то кислым, видимо, теми компрессами с уксусом, про которые она стонала, заламывая руки.

— Муж, конечно, баловал тебя, — продолжала она сурово. — Оно и понятно, такая разница в возрасте... Супруг на тебя дышать боялся, потакал во всё. Он оставил тебе имя, состояние и покровительство самого Государя. Но теперь ты вдова, графиня Софья Алексеевна Раевская, — с придыханием проговорила мои титулы «родственница». — Тебе нужно самóй о себе заботиться и держать спину прямо. Твоё место при дворе, в свете, а не в подушках с этими дикими речами! Император ценит преданность и порядок. Если ты не явишься на бал через три дня, это будет сочтено за дерзость. Раевские никогда не были бунтовщиками.

Я смотрела на неё и чувствовала, как мир окончательно раскалывается надвое. Тридцать лет? Вдова графа? Бал у императора? Неужели это всё правда? Надо успокоиться и добыть ещё какую-нибудь информацию.

Не дождавись от меня больше никаких слов, дамочка мелко перекрестилась, пробормотав что-то похожее на «Господи помилуй, совсем повредила умом.». И, шурша юбками, стремительно вышла из комнаты.

«Так, Лена, выдохни. Главное — спокойствие, — приказала я себе, стараясь унять дрожь в руках. — Просто думай. Где ты могла оказаться после того, как в тебя и эту проклятую решётку ударила молния?».

Глава 3

Наверняка, это какая-то больница. Хотя нет, в больнице пахнет хлоркой и спиртом, а не полынью и бергамотом. Я осторожно, стараясь не вызывать нового приступа кашля, огляделась по сторонам. Интерьер совсем не походил на стерильные медицинские стены. Никакого пластика, капельниц и белых панелей. Вместо них — шёлковые обои с затейливым рисунком, резная мебель из тёмного дерева и этот нелепый потолок с ангелочками.

«Ладно, — лихорадочно соображала я, — может, кто-то нашёл меня ночью и отвёз в ближайший элитный санаторий? У нас в Кисловодске их полно. И некоторые действительно придерживаются стиля «под старину» для богатых клиентов. А эта тётка... ну, может, она просто пациентка? С лёгкой, так сказать, стадией шизофрении или глубоким погружением в ролевую игру.»

И тут же вспомнилась одна дама, которая приезжала к нам в профилакторий каждый год. Весь персонал знал её уже как облупленную. Она неизменно появлялась на ужин в умопомрачительных нарядах с перьями и кринолинами, которые нормальный человек вряд ли наденет даже в шутку.

Может, и эта Капитолина такая же? Просто заигравшаяся в XIX век дамочка, которая решила, что я её сестра-графиня?

Я попыталась найти глазами хоть что-то современное. Выключатель? Розетку? Хоть один пластиковый стаканчик на тумбочке? Но на столике у кровати стоял лишь серебряный поднос с графином и хрустальным стаканом, да несколько тёмных аптекарских пузырьков с рукописными этикетками. Никакого намёка на двадцать первый век.

Дверь скрипнула, и сумасшедшая вернулась. Подошла к кровати и снова села в кресло, поправив складки своего платья. Она выглядела ещё более осунувшейся, чем пару минут назад.

— Послушайте... Капитолина, — я постаралась говорить мягко, как с тяжёлым пациентом. — Вы говорите, император прислал справиться о моём здоровье? Это очень... мило с его стороны. Но, может быть, мы позовём дежурную медсестру? Или врача? Мне нужно измерить давление и желательнее сделать ЭКГ.

Капитолина замерла. Её глаза стали ещё больше, если это вообще было возможно.

— Кого позвать? Мёд... сестру? — она произнесла это слово так, будто пробовала на вкус что-то совершенно несъедобное. — И что такое... ка-гэ? Софья, ты меня пугаешь всё больше. Твой бред становится более бессвязным. Доктор Вебер будет здесь через полчаса, он уже едет из Немецкой слободы.

Она чуть наклонилась и погладила меня по плечу своими холодными пальцами.

— Сестрица, я умоляю тебя, приди в себя, — её голос вдруг дрогнул, в нём прорезались искренние нотки отчаяния. — Если на балу ты начнёшь нести подобную околесицу, нас обеих ждёт монастырь или дом для умалишённых. Ты понимаешь, что на кону? Имя Раевских! Твоё положение! Ты вдова героя и не можешь так позорить его память.

Внутри шевельнулось сомнение, а в животе неприятно скрутило. Сейчас она не выглядела как сумасшедшая. Скорее, как человек, смертельно напуганный моим поведением.

— Хорошо, — медленно произнесла я, пытаюсь принять правила этой странной игры. — Допустим, я графиня. Допустим, мне тридцать. Но скажите... какой сейчас год? И какой сегодня день?

Капитолина картинно возвела очи к расписному потолку, перекрестилась и, нагнувшись, встряхнула меня за плечи.

— Сегодня двадцать пятое апреля тысяча восемьсот тридцать седьмого года, Софья. И если не встанешь на ноги к двадцать восьмому, к балу в Аничковом дворце, ты меня до удара доведёшь!

Тридцать седьмой год. Пушкин уже два месяца как в могиле, а я... а я в теле какой-то графини в Петербурге.

— Аничков дворец... — повторила я эхом. — Значит, мы в Петербурге?

— Да где же ещё?! — вскричала сестра. — В твоём доме на Мойке! О господи, она забыла даже, где живёт...

Я снова откинулась на подушки. Мойка. 1837 год. Если

это санаторий, то у них просто гениальные аниматоры. Но внутри меня всё громче кричал голос профессионального медика: «Лена, это не бред. Бред — это когда ты видишь то, чего нет. А ты чувствуешь кожей атлас простыней и запах уксуса.».

Подняв руки к лицу, я замерла и затаила дыхание. Это были не мои руки. Где привычная сухость кожи от постоянного мытья и талька в перчатках? Где же те едва заметные шрамы от стеклянных ампул, которые постоянно лопаются в спешке?

Вместо них я увидела узкие аристократические кисти с длинными, почти прозрачными пальцами. Кожа казалась фарфоровой, без единого изъяна, а ногти — аккуратно подпиленными и блестящими. Хотя я точно помнила, что вчера на смене один обломала под корень.

Сказать, что я была в шоке — это не сказать ничего. Внутри всё вибрировало от ужаса. Я резко дёрнулась, сбрасывая влажное одеяло, и попыталась встать.

— Куда ты?! Куда?! — всполошилась женщина, хватая меня за плечи. — Сонечка, милая, тебе же лежать велено!

— Мне нужно зеркало, — отрезала я.

Оно стояло в глубине комнаты в массивной резной раме, отражая кусочек окна. Огромное, во весь рост. Мне было жизненно необходимо подойти к нему прямо сейчас, иначе я просто задохнусь от этой неопределённости. Что-то внутри подсказывало: то, что я там увижу, окончательно добьёт мою

привычную реальность.

Капитолина пыталась меня удержать, её пальцы впились в мои локти.

— Лежи! Вот сейчас доктор Вебер приедет, посмотрит на тебя и как разрешит вставать, так и будет. Не гневи Бога, ты же только из забытья вышла!

Я резко сбросила её руки и сама на мгновение опешила, поражённая вспышкой собственной резкости.

— Помогите мне дойти, — я посмотрела ей прямо в глаза, чеканя каждое слово. — Вы же не хотите, чтобы я упала и валялась у вас под ногами?

— Ох, горе ты моё... — запричитала она, но всё же подставила плечо. — Ну, вся в батюшку нашего покойного! Царствие ему небесное... Тот тоже как втемяшит себе в голову что-то, так и не свернёшь. И что ты мне всё «выкаешь»? Прямо сил моих нет, словно чужая после хвори стала. Бывало, как хорошее настроение, так и ластишься, Капочкой зовёшь...

Я покосилась на эту бледную тень в чепце. Ластиться? Я? Глупости какие. В моей семье нежностями и не пахло. Мать — вечно недовольная, стройная, зацикленная на своей дите и картинах художница. Она воспринимала меня как досадное приложение к своей неудавшейся личной жизни. Поела, здорова — и ладно. Главное — не отвечать, чтобы не спровоцировать очередную истерику из-за ушедшего отца. Я привыкла держать дистанцию и быть незаметной, что-

бы не вызвать приступ нервозности или, чего доброго, получить подзатыльник. Лишний раз не подойти, не спросить, не обнять.

И вот теперь какая-то «Капочка» ждёт от меня нежности?

Ноги подкашивались, ворс ковра казался непривычно густым и мягким под босыми ступнями. Мы медленно, шаг за шагом приближались к зеркалу. Капитолина тяжело дышала рядом, поддерживая меня, а я смотрела только вперёд.

Остановившись в метре от зеркальной поверхности, на секунду зажмурилась. Сердце колотилось неимоверно. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоить ритм, потом открыла глаза.

В зеркале отражалась девушка. Но это была не я. То есть совсем не я.

Едва дыша, впилась взглядом в ту, что смотрела на меня из зазеркалья. Бледная, измождённая болезнью, но ослепительно красивая. Тонкий, чуть вздёрнутый нос, чётко очерченные пухлые губы и глаза. Если у Капитолины они были светло-голубыми, почти бесцветными, то мои поражали глубиной насыщенного, густого синего оттенка. В них не было привычной усталости Лены, отпахавшей две смены подряд, зато сквозил какой-то врождённый аристократический холод.

Шикарные тёмные волосы тяжёлой волной падали на грудь, прикрывая тонкую ткань ночной сорочки. Я коснулась их — настоящие. Мягкие, как шёлк, естественно вьющиеся.

Слегка влажные от лихорадки и пота, но даже сейчас, немного спутанные, они выглядели будто после дорогой укладки. Мои родные, вечно тусклые и «мышинные» волосы не спасали ни витамины, ни лучшие шампуни из салонов. А здесь Здесь была порода.

Оглядев фигуру, я с восхищением отметила: никакой болезненной худобы. Под рубашкой угадывались мягкие правильные округлости. Всё пропорционально, всё на своём месте.

— Это... я? — с моих губ сорвался едва слышный шёпот.

Капитолина, всё это время испуганно подпиравшая меня со спины, судорожно вздохнула:

— Господи, Сонечка, да кто же ещё? Совсем головушка замутилась, бедолага

Я медленно подняла руку и коснулась щёки. Гладкая горячая кожа. Отражение послушно повторило жест. В этот момент внутри что-то окончательно оборвалось. Та, прежняя жизнь: с запахом хлорки, очередями в супермаркете, одинокими вечерами в соцсетях и вечными дежурствами осталась там, за ослепительной вспышкой молнии в Кисловодском парке.

Теперь я — графиня Софья Раевская. Хозяйка этого роскошного дома и, кажется, личная собственность императора.

— Идём же в постель, идём, — засуетилась Капитолина, чувствуя, что я начинаю оседать. — Доктор Вебер вот-вот будет. Негоже ему видеть тебя в таком виде, босую на ковре.

Она почти силой потащила меня обратно к кровати. Я не сопротивлялась. Тело, хоть и прекрасное, слушалось плохо — ноги подкашивались от слабости.

«Доктор Вебер», — пронеслось в голове. Как медик я понимала: сейчас начнётся мой первый настоящий экзамен. И если я его провалю, вместо императорского бала меня ждёт смирительная рубашка из грубого холста. Нужно было срочно придумать, как объяснить этому Веберу свою «амнезию», не показавшись при этом окончательно невменяемой.

Глава 4

Капитолина едва успела укутать меня снова в одеяло, как в коридоре раздались размеренные шаги. Сестра тут же подобралась, промокнула глаза платочком и бросилась к дверям.

— Карл Карлович, батюшка, спаситель вы наш! — запричитала она с порога, впуская в спальню грузную мужскую фигуру. — Беда у нас, ох, беда! Кризис-то миновал, испарина сошла, да только Сонечка умом повредилась. Смотрит на меня, как на чужую, ничегошеньки не помнит!

Обтирая платком влажный лоб, в комнату вошёл доктор Вебер: плотный, основательный мужчина лет пятидесяти с аккуратными бакенбардами и строгим лицом. На нём был добротный сюртук, ни единой складочки или пылинки. Он молча передал моей родственнице свой саквояж, подошёл к кровати и поправил на переносице очки в тонкой золотой оправе.

Я смотрела на него из-под полуопущенных ресниц, лихорадочно выстраивая стратегию. В наш санаторий кто только ни приезжал. Бывали и нервные дамочки, закатывающие истерики из-за “не того” вида из окна, и старички, после наркоза забывавшие собственные имена. Я отлично знала, как выглядит настоящий бред, а как банальное истощение организма после болезни. Если я сейчас начну нести чушь про

двадцать первый век и смартфоны, меня точно запрут в дурке. Или как это тут называется? Жёлтый дом? Нет уж, увольте. Мне нужно доказать свою вменяемость, но при этом оставить себе лазейку для незнания местных реалий.

Вебер присел на стул возле кровати. Его движения были точными и неторопливыми. Он достал из жилетного кармана часы на цепочке, откинул крышку и взял меня за запястье прохладными пальцами. Я инстинктивно расслабила руку, позволяя ему нащупать пульс, и сделала медленный глубокий вдох, демонстрируя спокойствие.

— Ну-с, графиня, — произнёс он с лёгким, едва заметным немецким акцентом, отпуская мою руку. — Пульс ровный, хотя и слабоват. Жар спал. Потрудитесь сказать, вы понимаете, кто я такой и где вы находитесь?

Я чуть повернула голову на подушке, изображая крайнюю степень физической усталости.

— Вы доктор, — мой голос прозвучал тихо, с хрипотцой. Горло всё ещё саднило. — А нахожусь я... дома. В своей постели.

Капитолина за моей спиной судорожно вздохнула. Вебер даже не обернулся в её сторону, его внимательные серые глаза сверлили моё лицо.

— Это уже отрадно, — сухо констатировал он. — Ваша сестрица изволит утверждать, что вы её не узнали.

Я позволила себе слабую виноватую улыбку.

— Доктор... я помню, что она моя сестра. Но голова... она

словно набита ватой, — я осторожно коснулась виска. — Когда открыла глаза, комната показалась мне чужой. Звуки слишком громкие, свет режет глаза. Пытаюсь ухватиться за воспоминания, но они рассыпаются. Я даже испугалась собственного отражения в зеркале.

Вебер задумчиво хмыкнул. Он наклонился ближе, оттянул моё нижнее веко, проверяя цвет слизистой, затем кивнул самому себе.

— Успокойтесь, сударыня, — в его тоне появилась профессиональная снисходительность, которую я так часто слышала от наших врачей. — Никакого помутнения рассудка здесь нет и в помине.

Мужчина тяжело поднялся со стула и повернулся к замершей Капитолине.

— Напрасно паникуете, матушка. Инфлюэнца — коварная болезнь. Она ослабляет не только тело, но также истощает нервическую систему. То, что мы наблюдаем — естественное следствие тяжелейшей лихорадки. Мозг графини нуждается в отдыхе. Временная слабость памяти и спутанность мыслей после такого жара — дело обыкновенное.

— Слава тебе, Господи! — Капитолина перекрестилась и продолжила, едва не плача: — Но Сонечка напугала меня тем, что она не помнит, сколько ей лет. Зачем-то убавила себе два года.

— Два года или две минуты для вечности — это одно и то же, — философски заметил Карл Карлович и снова об-

ратился ко мне: — Так как насчёт вашего возраста, Софья Алексеевна?

— Женщине свойственно ошибаться в таких вопросах, — горько усмехнулась я. — Боже, неужели мне тридцать? После этой лихорадки я чувствую себя на все сто.

Капитолина икнула и закашлялась, но Вебер лишь мельком взглянул на неё. Он достал небольшую серебряную лопаточку, заставил меня открыть рот и попросил поднять руки. Я послушно выполняла все команды, стараясь не выдать своего внутреннего напряжения. Главное сейчас — получить свободу передвижения.

— Послушайте, доктор... — я осторожно коснулась его рукава, когда он закончил осмотр. — Мне нужно вставать. Сестрица говорит о бале... через три дня. Если я пролежу ещё сутки, я просто не смогу сделать и шага. Разрешите мне хотя бы дойти до кресла? Мой разум прояснится быстрее, если я увижу что-то, кроме этого потолка.

Вебер нахмурил густые брови.

— Бал? Через три дня? Это безрассудство, Софья Алексеевна. Ваш организм едва справился с хворью.

— Я понимаю, — я включила весь свой дипломатический арсенал, который обычно использовала на упрямых пациентах. — Но, возможно, если я начну понемногу расхаживаться по комнате, пить бульон и дышать свежим воздухом, слабость отступит быстрее? Лежать пластом сейчас, значит, точно не найти в себе сил к балу. А гнев императора... боюсь,

он навредит моему здоровью больше, чем вальс.

Губы доктора едва заметно тронула улыбка.

— Ваши рассуждения, графиня, убеждают меня, что голова у вас ясна как никогда.

Он повернулся к моей так называемой сестре, которая замерла в ожидании вердикта.

— Разрешаю вставать каждый час на пятнадцать минут. Кормить крепким бульоном. На ночь давать разбавленное красное вино. И никакой суеты! — дяденька строго погрозил пальцем. — По поводу бала... Если через два дня пульс будет также ровен, я позволю. Но не более двух танцев за вечер. Один вальс и одна мазурка — не более. И никакого шампанского. Душевное расстройство пройдёт, как только окрепнет тело. Графиня просто... — он на секунду замялся, подбирая слово, — утомилась от болезни. Дайте ей время привыкнуть к самбй себе.

— Даже от сердца отлегло! — Капитолина снова перекрестилась. — А я уж, грешным делом, подумала...

— Думать оставьте лекарям, — строго осадил её Вебер, защёлкивая саквояж. — Софье Алексеевне нужен бульон, обильное питьё и проветривание комнаты. Для начала посидеть в кресле, пройтись по комнате. Застой крови в лёгких нам ни к чему. Разумеется, без излишнего усердия.

Я мысленно поаплодировала. Карл Карлович оказался не только педантом, но и весьма грамотным мужиком по меркам девятнадцатого века. Разрешение вставать — это имен-

но то, что мне было нужно. Лёжа в кровати, разведку не проведёшь.

— Благодарю вас, доктор, — прошептала я, прикрывая глаза. Первая проверка пройдена. Я не сумасшедшая. А просто слабая и забывчивая графиня. И теперь у меня есть официальное медицинское разрешение не помнить ничего, что может меня выдать.

Мужчина откланялся. Шаги Капитолины и доктора Вебера постепенно стихли в коридоре. Я шумно выдохнула, словно только что пробежала марафонскую дистанцию, и откинулась на взбитые подушки. Первый тайм отыграли. Но расслабляться было рано: впереди маячил императорский бал, а моё нынешнее физическое состояние больше подходило для отпевания, чем для танцев до утра.

Вставать лекарь разрешил, но одного медицинского предписания маловато, когда ноги дрожат, как переваренные макароны. Я подняла кисть к свету, льющемуся из окна, и внимательно посмотрела на руку. Бледная прозрачная кожа, отчётливые синеватые венки. Головокружение, холодный пот, шум в ушах при каждом резком движении. Тут и к гадалке не ходи, диагноз ясен без всяких лабораторных анализов: после тяжелейшей лихорадки гемоглобин рухнул куда-то в район плинтуса, плюс жесточайшая постинфекционная интоксикация.

Итак, Елена, включай мозги. Что мы имеем в арсенале? А имеем мы полное отсутствие достижений современной фар-

макологии. Ни тебе капельниц с физраствором для детокса, ни препаратов железа, ни инъекций витаминов. Медицина первой половины девятнадцатого века — это во многом кровопускания, пиявки, касторка да сомнительные порошки. Спасибо, обойдусь. Значит, будем выкручиваться тем, что можно найти на кухне состоятельного петербургского дома.

Перво-наперво — вымыть токсины. Для этого нужно пить так, словно я верблюд перед долгим переходом через Сахару. И не только воду или этот хваленый наваристый бульон, от которого поджелудочная забьётся в истерике. Мне нужен ударный витамин С. Клюква, брусника, шиповник! В России этого добра всегда хватало с лихвой. Закажу себе морсов: кислых, крепких, без сахара. Пусть несут кувшинами.

Дальше — анемия. Белым куриным мясом и супчиком гемоглобин со дна не поднимешь. Мне нужно нормальное, легкоусвояемое животное железо. Судя по худому телосложению Капочки, ей тоже. Хотя, может, это генетика. Я-то всегда худая была. Так... Телячья печень, недожаренный кусок говядины с соком, может быть, гранаты, если их вообще завозят в Петербург. И, пожалуй, бокал хорошего красного сухого вина или кагора в день для стимуляции кроветворения лишним не будет. А то ишь, разбавленное... Как же. Таким лекарством только Бобика дразнить. Скажу Капе, что организм после болезни сам требует странного, у него свои причуды.

И, наконец, кардио. Нужно разогнать кровь, чтобы не рухнуть в обморок прямо на руки государю императору, едва меня затянут в корсет. А то, что так и будет, я уже не сомневалась. В той, прежней жизни я читала каждую свободную минуту, и особенно мне нравились исторические любовные романы про попаданок. Там обязательно тётки, переместившиеся в тела юных дев, страдали от этого пыточного приспособления, описывая его как изошрённый инструмент инквизиции. Что ж, теперь пришла моя очередь испытать всё это на собственных рёбрах.

Чтобы не задохнуться в первый же час бала, нужно хотя бы минимально разработать лёгкие. Начну с суставной гимнастики и глубоких дыхательных упражнений, чтобы убрать застой в нижних долях. Никто этого не увидит под одеялом. Главное — делать всё плавно.

Я осторожно потянулась, прислушиваясь к скрипу собственных суставов. М-дя, «юная дева» из меня сейчас так себе, скорее залежавшийся экспонат анатомического музея. Но ничего, Леночка, где наша не пропадала. Мы ещё покажем этому девятнадцатому веку, на что способна современная медицина в сочетании с женским упрямством.

Глубоко вздохнув, я старалась расправить лёгкие до самого предела и почувствовала, как в висках застучала кровь. Больно, но правильно. Это жизнь возвращается в тело Софьи. Теперь осталось дожидаться Капу и начать свою маленькую диетическую революцию. Стейк с кровью и ведро клюк-

вы — вот мой план на ближайшие три дня. А там посмотрим...

Где-то за дверью послышалось торопливое шуршание юбок. Сестра возвращалась. Пора было приступать к лечению по моей собственной методике.

Глава 5

Дверь распахнулась, впуская в душную спальню сестру и резкий, шибяющий в нос запах уксуса. Капитолина держала в руках плоскую фаянсовую плошку, всем своим видом изображая великомученицу, несущую крест.

— Ох, Сонечка, до чего же нынче лекари пошли жадные! — с порога завела она, брезгливо морща нос. — Господин Вебер толком ничего не сказал, буркнул два слова, а запросил, словно за подробное предписание. Велел камфорным маслом грудь и спину растирать, чтобы остатки кашля окончательно выгнать. Ну, ничего-ничего. Сейчас ещё компресс сделаем, и совсем хорошо будет.

Смердящий дух от плошки мгновенно прояснил моё сознание, вызвав приступ тошноты. Терпеть этот кошмар не было никаких сил.

— Капа, вылей это, — голос прозвучал на удивление твёрдо. — И створку распахни. Дышать совершенно нечем.

Сестра застыла посреди комнаты, хлопая ресницами. Плошка в её руках опасно дрогнула, расплескав пару капель вонючей жидкости на ковёр. В глазах Капитолины отразился неподдельный ужас, смешанный с недоумением.

— Как — вылей? Зачем это створку? Сонечка, окстись! Студить больную? Доктор строго-настрого запретил сквозняки! От холодного воздуха лихорадка может вернуться, и

тогда уже никакие припарки не помогут. Ты просто не в себе от слабости, душенька.

Приподнявшись на локтях, я вперила в родственницу тяжёлый взгляд.

— Доктор поговорил и уехал, а лежать в этом склепе мне. Воздух застоялся. Это не лечение, а самое настоящее медленное удушение. И если я в ближайшее время нормально не поем, то преставлюсь вовсе не от инфлюэнцы, а от истощения сил.

Капа ахнула, прижав свободную руку к груди, словно защищаясь от кощунственных слов.

— Какая еда, голубушка?! Тебе бульончик жиденский прописан, чтобы нутро не обременять! Какие могут быть мысли о трапезе, когда ты едва дышишь?

— Мне нужен кусок мяса. Настоящего мяса. Хороший ломоть жареной говядины.

В этот самый момент за спиной окончательно растерявшейся родственницы выросла монументальная фигура. Тихо, стараясь не скрипеть половицами, в комнату протиснулась служанка. В огромных руках, способных, кажется, подковать лошадь без молота, она бережно, словно хрустальную вазу, несла таз с водой, а под мышкой стопку чистых льняных полотенец.

Взгляд задержался на ней сам собой. Громадная женщина, настоящий гренадёр в юбке, она резко выделялась среди изящной обстановки: слишком высокая, массивная, с круп-

ными, почти мужскими чертами, словно высеченными топором. Если присмотреться, над верхней губой отчётливо пробивался тёмный пушок, который злые языки точно назвали бы усами. За годы работы в медицине я насмотрелась на всяких гримз-санитарок, чья пугающая внешность обычно полностью соответствовала их скверному жёлчному нраву. Но здесь был совершенно иной случай. Из-под нависших бровей на меня смотрели поразительно добрые, по-собачьи преданные и очень тревожные глаза. Внешность, как у самки тролля, а внутри существо абсолютно безобидное.

Глафира. Имя всплыло в памяти само собой, принося с собой ощущение чего-то надёжного.

— Вот, матушка-графиня, водицы свежей принесла, — пробасила она негромко. — И полотенца сухие, чистые.

Услышав голос горничной, моя новообретённая сестра обернулась и, не изменяя своему наставительному тону, распорядилась:

— Глафира! Поставь таз и иди на кухню. Принеси тёплого бульона, да скажи поварихе, чтоб процедила получше, ни капли жира не оставила!

Решение созрело мгновенно. Пока Капа металась между догмами доктора Вебера и своим страхом перед «бунтом» больной нужно было брать инициативу в свои руки. Деликатничать времени не было: тело требовало ресурсов для восстановления. Надо срочно вербовать первого союзника.

— Глаша, милая, — тон смягчился сам собой. Наверняка

прежняя Софья не допускала подобных нежностей, раз даже Капа звала прислугу полным строгим именем — Глафирой. — Подай-ка мне кусок мяса получше. И клюквы тёплой наболтай погуще. Сделаешь?

Горничная замерла. Вода в тазу булькнула. На широком простоватом лице отразилась крайняя степень растерянности от такого ласкового барского обращения, но уже в следующую секунду она истоиво закивала, выражая полнейшую готовность хоть сейчас на кухню бежать, хоть в огонь прыгать.

— Софья! — взвизгнула Капа, едва не выронив свой кусок. — Ты уморить себя вздумала?! Какое мясо?! Ещё заворота кишок нам не хватало для полного счастья! Доктор ясно сказал: бульон!

Стало понятно: перегнула палку. Лобовая атака в девятнадцатом веке работает плохо, местные барыни к такому не привыкли. Пора было включать хитрость и менять тактику.

— Капочка... — Откинувшись на подушки, я нацепила на лицо самое мученическое, жалобное выражение. — Я же чувствую: чтобы быстрее подняться, нужно набираться сил. Ты сама говоришь, неделю в бреду металась. А если мне хочется есть, значит, я явно выздоравливаю. Организм требует своего.

Голос предательски задрожал — притворяться почти не пришлось. Так жалко себя стало. Глаза тут же повлажнели, наполняясь слезами.

— Ах, сестрица, так кушать хочется... И кисленького бы.

Морса клюквенного или брусничного тёпленького...

Сестра сдалась. Воинственный пыл угас, уступив место растерянной, искренней заботе. Она поспешно отставила злосчастную плошку на столик.

— Хорошо, Сонечка. Действительно, что ж мы тебя голодом-то морим, — Капа суетливо поправила на мне край одежды. — Но господин доктор строго велел не давать тяжёлую пищу. Может, супчик велеть подать? Или биточки телячьи, на пару сделанные?

— Несите всё, — милостиво выдохнула я, отводя глаза в сторону.

Повинуясь властному кивку Капитолины, Глафира бесшумной горой выплыла из спальни, следом степенно удалась и сама сестра.

Оставшись в долгожданном одиночестве, можно было наконец-то нормально выдохнуть. Первый раунд однозначно остался за мной. Бытовые вопросы и прислугу прогнать под себя точно получится, Глаша уже практически в кармане. А вот с этой моей внезапной родственницей дела обстоят сложнее. Кто она была для прежней Софьи? Искренняя союзница, переживающая за младшенькую, или приставленный соглядатай, блюдущий свои интересы? Об этом предстояло крепко подумать, но точно после обеда. На пустой желудок интриги не распутываются.

Взгляд медленно заскользил по комнате, изучая замысловатую золотую лепнину на потолке, шелковые обои и крас-

ное дерево мебели. Судя по обстановке, почивший супруг бедностью явно не страдал. Но почему молодая красивая женщина вышла замуж за старика? Зачем сестра с таким придыханием называет его героем? И главное: если я теперь богатая вдова, то есть ли ещё наследники, желающие урвать кусок пирога?

Всё это нужно было осторожно узнать и выведать. И обязательно — до злополучного бала.

Через некоторое время дверь снова отворилась. Первой, чеканя шаг, вошла Капитолина, всем своим видом выражая безмолвный протест и обеспокоенность. А следом показалась горничная. В руках Глафира несла широкий поднос, заставленный фарфором под серебряными крышками — кажется, такие штуки называются клошами.

Поставив свою ношу на тумбу, великанша подошла к кровати. Практически без видимых усилий, словно пушинку, она приподняла меня за плечи, ловко взбила и подоткнула под спину подушки. Затем принесла специальный кровати́нный столик на коротких резных ножках, установила его поверх одеяла и водрузила сверху тарелки.

Стоило только приподнять крышки, как по комнате поплыл умопомрачительный аромат настоящей еды. В глубокой суповой чашке дымился наваристый бульон с крупным куском нежной отварной говядины. На соседнем блюде обнаружили румяные телячьи биточки, утопающие в нежном картофельном пюре под густой грибной подливой, и кувшин

с рубиновым клюквенным морсом.

Отпряного мясного аромата желудок свело в судороге, и сохранить достойный вид оказалось непосильной задачей. Рука сама схватила серебряную ложку, и, забыв о приличиях, я принялась торопливо, обжигаясь, хлебать суп. Тепло моментально разлилось по пищеводу, пробуждая в ослабевшем теле искры энергии.

Капа наблюдала за этой сценой с неподдельным ужасом, словно я на её глазах поела младенцев. Глафира же стояла чуть поодаль, сложив свои большие руки на животе, и смотрела с искренней жалостью.

— Барыня Софья Алексеевна... — низкий голос горничной неожиданно дрогнул и завибрировал от волнения. Она перевела растерянный взгляд на Капитолину, потом снова на меня. — Не торопитесь вы так, подавитесь. Господин доктор ведь...

— Господин доктор не голоден, в отличие от меня, — отрезала я, не давая сестре опомниться и вставить слово. Горячий бульон определённо придал голосу нужную звонкость. — Сестрица, не стой над душой, убери ты подальше свою плошку с уксусом, от него только мигрень разыгрывается. А ты, Глаша, открывай окно. Впускай свежий воздух. И это не просьба, а распоряжение хозяйки дома.

В комнате повисла долгая пауза. Сестра судорожно набрала в грудь побольше воздуха, явно собираясь выдать новую порцию протестов о вреде сквозняков, но Глафира вдруг,

словно кивнув каким-то своим внутренним мыслям, развернулась и беспрекословно двинулась к окну. Добротные дубовые створки поддались её рукам с такой лёгкостью, словно были сделаны из тонкого картона.

В душную спальню ворвался прохладный влажный воздух весеннего Петербурга, пахнувший талым снегом и близкой Невой. Он мгновенно разогнал застоявшийся дух болезни и кислятины. Прикрыв глаза, я сделала первый по-настоящему глубокий вдох за всё это время. Внутри крепла спокойная, твёрдая уверенность: ничего, прорвёмся.

Глава 6

Обед закончился так быстро, что стало даже неловко. Ложка со звоном опустилась на опустевшую тарелку, где не осталось ни капли грибной подливки. Глафира, уловив брошенный с сожалением взгляд, тотчас плеснула в хрустальный стакан клюквенного морса.

Оконные рамы к этому времени уже прикрыли, оставив лишь узкую щёлку. С улицы тянуло свежестью, и в комнате стало на удивление уютно. Желудок довольно заурчал, переваривая говядину. Организм, получив наконец что-то питательное, воспрянул и немедленно напомнил обо всех остальных своих нуждах.

И прежде всего — о весьма прозаической.

Осторожно поёрзав, покосилась на Капитолину. Та сидела в кресле возле кровати, теребила в руках кружевной платочек и наблюдала за мной с таким напряжённым вниманием, будто я могла в любую минуту снова впасть в горячечный бред или, чего доброго, потребовать жареного поросёнка.

— Капочка... — голос прозвучал как можно непринуждённое. — Кажется, сил уже достаточно для одного маленького путешествия.

— Какого ещё путешествия? — тут же насторожилась сестра, выпрямляя спину.

Я смущённо кашлянула.

— До... уборной.

Несколько секунд Капа смотрела совершенно непонимающе, а затем тихо пробормотала:

— Господи, Соня! Так что же ты молчала? Глаша, живо!

Из соседней комнаты был принесён деревянный стул с высокой резной спинкой и резными подлокотниками. Лишь когда Глафира деловито откинула крышку сиденья, обнажив спрятанную внутри фарфоровую чашу, стало понятно его истинное назначение.

Горшок. Точнее, кресло-туалет.

Судя по непроницаемому лицу Капы, подобная процедура не содержала в себе решительно ничего предосудительного. А вот к моим щекам внезапно прилил жар.

— Все болящие после горячки слабы, — мягко сказала сестра, неправильно истолковав смущение, и тактично отошла к окну. — Здесь нечего стыдиться.

Пришлось мысленно признать её правоту. С профессиональной точки зрения медика момент был абсолютно нормальным: душа находилась в этом времени, и слабое, измученное болезнью тело требовало ухода. Глаша действовала привычно грубовато, но на редкость надёжно. Сильные руки горничной легко приподняли, помогли перебраться на сиденье и заботливо укутали плечи тёплой шерстяной шалью.

Когда всё закончилось и голова коснулась прохладных подушек, навалилась совершенно невероятная усталость. Сердце колотилось, а на лбу снова выступила испарина.

Словно состоялось не маленькое перемещение по спальне, а пеший марш-бросок до самой Москвы.

— Боже мой, — сорвался с губ тихий стон, а глаза закрылись сами собой. — Как же тяжело быть беспомощной.

И тут Глафира неожиданно погладила меня по плечу. Её ладонь была огромной, жёсткой от работы, но само прикосновение оказалось настолько осторожным, простым и человечески добрым, что у меня внезапно защемило в носу.

— Ничего, матушка-графиня, — пророкотала она. — Поправитесь. Вон как за мясо-то взялись, значит, жизнь обратно просится.

Приоткрыв глаза, я посмотрела снизу вверх на эту монументальную женщину.

— Глаша, а нельзя ли мне ещё и помыться? — просьба прозвучала почти жалобно. — Чувствую себя так, будто неделю держали плотно завёрнутой в нестираное одеяло. Кожа зудит, сил никаких нет.

Капитолина, к тому моменту вернувшись на свой пост у кровати, тут же замахала руками, всем своим видом выражая крайнюю степень возмущения.

— Нет, никак нельзя! Даже не проси! Доктор строго-настрого запретил. Только обтирание камфорным спиртом да водой. Если завтра встанешь на ноги и жар не вернётся, так и ванну можно будет наладить, а сегодня — ни-ни!

Упоминание доктора Вебера заставило поморщиться. Но воевать с этой малахольной сейчас не было ни желания, ни

сил. После короткого препирательства мы с сестрой всё же сошлись на компромиссе. Было решено устроить омовение прямо в спальне.

Глафира споро вынесла кресло-туалет, наглухо закрыла окно, а затем принялась таскать кувшины с горячей водой. Вскоре на столике выстроилась целая батарея медных тазов, появилась новая стопка тёплых полотенец и кусок дорогого цветочного мыла, запах которого окончательно вытеснил из комнаты опостылевший дух уксуса.

Подложив под меня полотенца и вощёную ткань, горничная помогла сесть и принялась осторожно обмывать прямо в постели. Тёплая вода, касаясь кожи, приносила невероятное облегчение. Пока Глаша бережно, но тщательно проходила намыленной морской губкой по рукам и плечам, смывая липкий пот болезни, тело понемногу расслаблялось. Напряжение в мышцах спадало. Капитолина сидела рядом, подавая полотенца, и выражение её лица наконец-то утратило трагичность. Наступил тот самый идеальный, умиротворённый момент тишины. А когда служанка начала осторожно расчёсывать спутанные волосы, я получила возможность спокойно оглядеть комнату. Взгляд скользнул по портьерам, резному шкафу и вдруг остановился. На противоположной стене висел поясной портрет мужчины.

Седой. С суровым властным лицом. Внимательный взгляд светлых глаз, тонкие, плотно сжатые губы. На тёмном мундире, ворот которого жёстко подпирал подбородок, ярко по-

блѣскивали ордена и звѣзды. Значит, это и есть покойный муж. Граф-герой. Я задумчиво почесала переносицу, чувствуя, как внутри зарождается план. Самое время забросить удочку.

— Странно, — произнесла я тихо, словно размышляя вслух. — Лицо кажется таким знакомым до каждой чѣрточ-ки а вот имя никак не вспоминается.

Капитолина вздрогнула, выронив свой неизменный платочек. В её глазах мелькнул настоящий испуг.

Я поспешила добавить, старательно изображая растерянность:

— Знаешь, после болезни в голове всё будто в тумане.

Сестра заметно выдохнула, успокаиваясь, и горестно охнула, прижимая руки к груди.

— Ох, бедная ты моя головушка! Это всё жар, Сонечка, всё он, проклятый. Как же можно забыть? Сергей Александрович — истинный сын Отечества! Весь Петербург тогда оплакивал... Герой Отечественной войны, участник Бородин-на и взятия Парижа, а потом, уже на склоне лет, вновь отличился при усмирении Польши. Он ведь за государя кровь пролил под Варшавой, тяжѣлую рану получил, от неё спустя годы и угас. На шестьдесят пятом году Господь его призвал. Генерал от инфантерии* граф Раевский был человеком старой закалки, таких теперь почти не осталось. Вы ведь и пожили-то вместе всего пять лет... А как Николай Павлович его ценил! Его Величество до конца преданности не забыл. Сам

приезжал проститься. На смертном одре руку ему жал и обещал, что тебя, вдову его верную, своей милостью не оставит.

В голове немедленно заработал калькулятор. Так, если нынешнему телу тридцать, значит, замуж Софья вышла в двадцать пять. А мужу на тот момент было под шестьдесят. Неравный брак — классика жанра. Интересно, какие между ними были отношения? Уважение, сухой расчёт, принуждение?

И главное — дети. Есть ли они?

Взгляд снова остановился на одиноком портрете генерала. В доме стояла абсолютная тишина. Никакого отдалённого топота маленьких ножек, ни звонких голосов, ни суеты гувернанток. Да и если бы у графини имелись наследники, разве она не запечатлела их на холстах, не увешала бы стены пухлыми ангелочками в кружевах? Похоже, прямого продолжения рода граф Раевский не оставил.

«Сергей Александрович. Герой. Варшава. Любимец императора». Факты методично укладывались в памяти, словно стерильные инструменты в процедурном кабинете. Выходит, статусная вдова с протекцией самого верха. Это было и хорошо, и чертовски опасно одновременно.

— Сестричка... — голос прозвучал тихо, задумчиво, словно мысли вслух. — Сны с явью перемешались, обрывки какие-то в памяти плавают. Лежу вот и думаю: поеду на бал, встречусь с государем или, не дай бог, с кем-то из родни... а лица вспомнить не могу. Опозорюсь ведь. А наследство...

Мне снилось, будто кто-то уже здесь, в доме, распоряжается. Мужчина какой-то.

Капитолина сердито фыркнула, и в её голосе впервые прорезались живые, не «мученические» нотки.

— Александр Николаевич? Не к ночи будь помянут, этот стервятник! Имени этого вертопраха в моём присутствии не поминай. Всяк знает, что супруг имение и капиталы тебе отписал по завещанию, благоприобретенное-то! А родовое... ну, там суды да пересуды, но пока ты хозяйка. Только вот государь-то наш намекал уже, что негоже молодой графине Раевской в одиночестве куковать. Мол, опека нужна мужская...

— Опека, значит, — пробормотала я, прищурившись. Мысли понеслись галопом: «Только этого ещё не хватало.».

Кажется, моя спокойная вдовья жизнь подходит к концу, даже не успев начаться.

* **Генерал от инфантерии** — это генерал пехотных войск, один из высших генеральских чинов Российской империи.

Глава 7

Я осторожно поправила одеяло, пряча за этим движением напряжение. Главное сейчас — не спугнуть Капитолину. Раз уж её прорвало на откровения, надо вычерпать этот источник информации до дна. Прагматичный мозг требовал конкретики: чтобы строить защиту, нужно знать расстановку сил.

— Значит, Александр Николаевич... — протянула я задумчиво и вдруг заметила, что мысленно уже говорю почти как Капа, перенимая её словечки. — И что же, он один на моё спокойствие покушается? Родни у покойного мужа больше не сыскалось, только этот... стервятник?

Женщина так резко вскочила, что едва не опрокинула пустую чашку на столике.

— Скажешь тоже — один! Брат у него есть младший. Николай Николаевич. Родной брат, да только словно от других отца с матерью рождён. Вот уж кто... — Сестрица даже как-то приосанилась, разглаживая складки на платье. — Вот кто истинная гордость фамилии.

Брат? Ещё один? Я мысленно закатила глаза. Два наследника. Просто замечательно.

— Постой, Капа. Ты хочешь сказать, что на наследство могут претендовать только Александр Николаевич и его брат? Других близких родственников у моего мужа нет?

— Да откуда же им взяться-то, близким? Ты же знаешь, Сонечка, Сергей Александрович — царствие ему небесное — как перст был. Своих-то деток Бог не дал, и ты у него одна светом в окошке была. А эти... — она пренебрежительно махнула рукой в сторону окна. — Эти Раевские из псковской ветви — дальние родственники из нетитулованной линии. Седьмая вода на киселе. Да только из мужского колена ближе никого не осталось. Вот они и объявились. Старший-то примчался, едва весть о кончине дядюшки дошла.

Капитолина присела на кровать и придвинулась ближе, её голос зазвучал тише, приобретая ту вкрадчивость, с которой обычно обсуждают опасных личностей.

— Про Александра в Петербурге разное болтают. Блестящ, остроумен — этого не отнимешь, да только яд у него на кончике языка. Всё шуточки свои язвительные шутит, смотрит так, будто насквозь тебя видит и все твои грехи уже в книжечку записал. Светский лев, интриган! Ему бы только в интеллектуальные игры играть да женщин с ума сводить. Опасный он человек, Соня. Я как посмотрю в глаза эти светлые, аж мороз по коже. Не верь его любезности, у него за пазухой камень. Ему бы всё наследство к рукам прибрать, да не ради дела, а ради прихотей своих.

Я молчала, анализируя. Типичный повеса: умён, циничен и, судя по всему, очень наблюдателен. С таким мне, «новой» Соне будет сложнее всего — он первый заметит перемену в поведении.

— А второй? Николай? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал просто с любопытством.

— Николай Николаевич — человек чести, — веско, с расстановкой произнесла Капа. — Офицер. Прямой, как клинок. Он в эти салонные дразги брата своего не лезет. Когда Александр тут ядом плевался да всё признавал, не оставил ли тебе покойный особого завещания, Николай Николаевич только бровью повёл... Снисходительно так посмотрел на брата, как на дитя малое, неразумное, и говорит: «Оставь, Александр. Суета это всё и недостойное поведение. Есть закон империи. И по закону мы будем действовать. Пока вдова в немощи, не смей её покой тревожить.»

Капитолина наклонилась так близко, что я почувствовала её дыхание, и почти в самое ухо прошептала:

— Николай-то ко всей этой истории с дядюшкиным наследством относится... ну, как к докуке, что ли. Ему эти миллионы да усадьбы — не главный интерес в жизни. У него карьера, полк, служба! Он человек деятельный, ему бы дивизиями командовать, а не с бабами за серебряные ложки судиться. Потому и спокоен, как скала. Сказал нашему управляющему: «Все бумаги проверит мой поверенный, когда графиня оправится. Ни одна копейка мимо закона не уйдёт, но и чужого мне не надо.» Понимаешь, Соня? С ним можно дело иметь. Он интриги плести не станет. Если уж скажет слово — как печатью сургучной припечатает.

Я слушала, кивала, а в голове быстро раскладывались по

полочкам новые переменные. Итак, у нас есть Александр — умный прожигатель жизни, которому, очевидно, нужны деньги на развлечения. И есть Николай — военный, честный, жёсткий служака, который будет действовать строго по букве закона.

Капа тем временем не унималась, её явно несло:

— Только ты не думай, Сонечка, что с Николаем Николаевичем легко будет, — вдруг нахмурилась она, предостерегающе подняв палец. — Он хоть и справедливый, но суровый. И брату спуску не даёт, и с другими не церемонится. Если решит, что ты хозяйством управлять не в силах, или государь велит приставить к имению попечителя, Николай сам за это возьмётся. Не из жадности — из чувства долга. Потому что «так положено». А уж под его командой мы здесь все по струнке ходить будем, как новобранцы на плацу. У него не забалуешь.

— Капа, — задумчиво спросила я, — а Николай Николаевич... он часто здесь бывает?

— Пока ты в беспамятстве была, каждый день заезжал, — закивала сестра. — В комнату, конечно, не входил — он же понимает приличия! У доктора Вебера внизу всё расспрашивал: каковы шансы, не нужно ли чего из медикаментов. Помогал, в общем. Но, знаешь, в его помощи тепла ни на грош. Словно он не за родственницу беспокоится, а за важный объект, который на балансе числится. Александр-то, тот больше шумел, коньяк в кабинете требовал, а Николай при-

едет, постоит молча, распоряжения отдаст — и в седло.

Ну конечно, что же им не ездить сюда каждый день? Телефонов нет, а на кону огромное состояние. Если я не выкарабкаюсь, первый, кто окажется в доме, возьмёт всё в свои руки: опечатает кабинеты, заберёт ключи, документы и шкапулки. Ни один из них не хочет упустить этот момент, чтобы другой не обчистил дом.

К тому же братья явно друг другу не доверяют. Если Александр вертится здесь, прицениваясь к вещам и попивая хозяйский коньяк, то Николай просто обязан приезжать следом. Иначе братец подкупит слуг или найдёт какую-нибудь лазейку в бумагах. Взаимная слежка в чистом виде.

Ну и приличия, куда же без них. Для Николая-служаки это вопрос репутации. Бросить тяжелобольную вдову дядюшки без присмотра — значит вызвать гнев государя и обрасти сплетнями в свете. Вот он и приезжает, как строгий инспектор: проверить, что «объект» ещё дышит, врач работает, а порядок не нарушен. Стервятник и аудитор. Прекрасная компания.

Голова снова потяжелела, мысли начали путаться от слабости. Я прикрыла глаза, делая вид, что утомилась от разговора, хотя пульс бился ровно. Картина вырисовывалась предельно ясная. Два брата. Светский лев и человек службы. Интрига и долг. И я — удобная фигура в центре их семейной шахматной доски. Земли, которые надо либо поделить, либо взять под опеку. Первый, скорее всего, уже ищет, как

бы подцепить меня на крючок скандала. Другой — идеальный солдат империи, для которого сухие параграфы закона важнее живого человека. И оба они теперь — мои главные проблемы.

— Сестрица, спать хочу, — тихо произнесла я, не открывая век. — Сон сейчас — лучшее лекарство. Завтра, надеюсь, будет лучше. А если наследники явятся, не говори им, что я пришла в себя.

Женщина, которая теперь являлась моей сестрой, тяжело вздохнула. Я почувствовала, как Капа невесомо погладила меня по руке.

— Спи, спи, родная, — прошептала она ласково. — Позже загляну. Может, понадобится чего...

Постель едва заметно качнулась. Послышался шелест юбок, лёгкие шаги по ковру. А спустя несколько мгновений тихо щёлкнул замок.

Я осталась одна.

Глава 8

Я проснулась, когда за окном уже было совершенно темно. В комнате царил густой обволакивающий полумрак. Только маленький огонёк масляной лампы под зелёным стеклянным абажуром золотил резной край комода да бросал на обои длинные подрагивающие тени.

Повернув голову, я увидела сестру. Капа спала в глубоком кресле, придвинутом почти вплотную к кровати. Видимо, пришла проведать, как я себя чувствую, да так и задремала, сморённая усталостью. Голова её была неловко откинута на высокую спинку, на коленях лежал раскрытый, чуть сползший молитвенник, а одна рука безвольно свисала в мою сторону.

Разглядывая спящую, я невольно почувствовала, как внутри разливается странное тепло. Если Софья целую неделю металась в горячке, стора от лихорадки, и уже одной ногой стояла на краю могилы, то Капа, должно быть, извелась вконец. Тёмные, залёгшие под закрытыми глазами тени, осунувшееся, заострившееся лицо, несколько серебристых нитей в тёмных волосах, которые я заметила ещё днём, — всё это кричало о бессонных ночах, отчаянии и постоянном выматывающем страхе.

У меня вдруг болезненно защемило сердце. Возможно, так отзывалась память тела, в котором я оказалась. Эта жен-

щина, ещё утром казавшаяся мне незнакомкой, частью чужой жизни, теперь спала в неудобной позе только потому, что искренне переживала за меня. Теперь я была абсолютно уверена: Капа — мой союзник.

Но одна мысль никак не давала покоя. Меня так и мучил этот вопрос: почему молодая, полная сил Соня пошла за старика? Если она так поступила, значит, у неё просто не было выбора. Но ведь девушка была поразительно красива, неужели не нашлось подходящей партии среди ровесников?

Впрочем, стоило лишь включить логику и вспомнить сюжеты классических романов, как всё начало вставать на свои места. Для дворянки девятнадцатого века красота сама по себе не гарантировала ровным счётом ничего. Это не современный мир, где смазливое личико — капитал. Здесь правили бал деньги, происхождение, связи и размер приданого. Если отец умер, оставив после себя долги или крошечное, заложенное-перезаложенное имение, то девушки мгновенно переходили в категорию «бедных невест». Бесприданниц.

Я бросила задумчивый взгляд на темнеющий в углу портрет. Судя по тому, что рассказывала сестра, Соня была светом в окошке для своего пожилого мужа. Значит, этот неравный брак был основан на заботе и взаимопонимании. Капа говорила, что я упряма, как батюшка. А упрямство в словном обществе означает одно: она могла смело отвергать неподходящих женихов, наотрез отказываться от брака без уважения, демонстрировать слишком независимый для ба-

рышни нрав. А время шло. Двадцать пять лет для незамужней — уже катастрофа. Приговор. Они просто засиделись в девках, оказавшись на краю долговой ямы.

Осторожно, стараясь не шуметь, откинула край одеяла. Тело слушалось неохотно, мышцы отозвались тянущей болью. Я спустила ноги на прохладный ковёр, и от этого шороха Капа мгновенно встрепенулась.

Она открыла глаза, моргнула, фокусируя взгляд, и тут же испуганно прошептала:

— Господи, напугала-то как. Тебе лучше уже?

— Да сейчас прям хорошо себя чувствую, — я постаралась, чтобы голос звучал мягко и ободряюще. — Не болит ничего, горячки нет. Только спину ломит, сил нет лежать. Я с тобой тут в кресле посижу немного, воздухом подышу.

Сделав два неуверенных шага, я опустилась в соседнее кресло. Капа тут же подскочила, засуетилась, схватила с изножья кровати шерстяной плед и заботливо, подтыкая края, укрыла мне ноги.

— Никто не приезжал из... родственничков? — тихо спросила я, наблюдая за её руками.

— Нет, и слава богу, — сестра перекрестилась на тёмный угол с иконами и села обратно. — Тишина сегодня.

— Капа, — я сделала вид, что массирую виски, словно пытаюсь собрать разбегающиеся мысли, — понять я всё никак не могу. Что же так сильно болезнь меня подкосила? Вроде и не болит ничего, и кашель почти прошёл, а голова всё

равно не соображает. Вот тебя вспомнила, и мужа своего покойного немного... Помню, как тепло к нему относилась... Нутром чувствую, что человек был хороший, и уважение к нему у меня было огромное. А вот остальное — как отрезало. Не помню, как я замуж-то пошла за Сергея Александровича! Где мы с тобой жили до этого? Ты ведь говорила сегодня, что я вся в батюшку покойного... Как же он меня замуж за графа отдал? И почему ты со мной в этом доме живёшь, а не своей семьёй?

Сестра замерла. В слабом свете лампы я увидела, как дрогнули её губы. Она посмотрела на меня с такой невыносимой, пронзительной грустью, что я, сама не понимая почему, отвела взгляд. Её рассказ полностью подтвердил мои догадки.

— Ох, Сонечка... Видать, и правда лихорадка тебе все воспоминания выжгла, — она горько вздохнула и потянулась к моей руке, накрыв её своими тёплыми ладонями. — Бедные мы с тобой были, голубка моя. Гол как сокол батюшка наш остался к концу жизни. У меня-то сроду женихов не было: я ведь не красавица. Так и осталась перестарком при доме. А у тебя... у тебя был жених. Хороший, статный. Он так влюблён был, что и думать забыл о приданом. А за тобой-то — одни старые платья.

Она сглотнула подступивший ком.

— Да только погиб он в бою на Кавказе. Ты тогда почернела вся от горя. А потом батюшка преставился. Долгов у

него уйма оказалась. Мы тогда ещё почти год во флигеле жили, пока управляющий бумаги разбирал, да имение с торгов не пошло. Могла ты после смерти отца выйти замуж... Свагался к тебе один офицер. Правда, тоже бедный, но собой недурён. А ты наотрез отказалась за него идти. Потому что тогда пришлось бы тебе меня, бесприданницу и старую деву, совсем без средств на улице оставить или в гувернантки — чужих детей терпеть отправить. Двоих бы он нас не потянул.

Капа ласково погладила мои пальцы. По её щеке скатилась одинокая слеза, блеснувшая в свете лампы.

— Когда тебе двадцать пять сравнялось, положение наше совсем отчаянным стало. Буквально на хлебе с водой перебивались. И тогда появилось предложение от графа Раевского. Ему шестьдесят было. Он когда-то с батюшкой дружил крепко, соседом по имению прежнему был. Узнал о нашей беде и... предложил выход.

Она замолчала, словно собираясь с духом, а затем крепко сжала мою руку.

— Ты думаешь, я не знаю, ради кого ты пошла за Сергея Александровича? Ради меня пошла. Чтобы мы обе по чужим углам не мыкались, милостыню не просили. Общество, конечно, злословило, шепталось по гостиным, что это грязный брак: по расчёту, что ты ради титула старика окрутила... Но муж твой всё делал для нас. Души в тебе не чаял, пылинки сдувал. Да и ко мне всегда с лаской относился. А теперь... — Капа всхлипнула и торопливо утёрла лицо свободным кон-

цом шали. — Сильно я, Софьюшка, переживаю, что нас ждёт дальше. Как мы теперь одни?

Я решительно притянула к себе женщину и отчеканила:

— Знаешь что? Хватит плакать. Этим делу не поможешь. Думать надо. Слезами мы этих стервятников-родственников всё равно не утопим, хотя, признаюсь, звучит крайне заманчиво! И паркет от твоей сырости вздуется, менять придётся.

Капа изумлённо вскинула глаза, а я продолжила, не давая ей опомниться:

— Смотри на меня: я живая и почти здоровая. Завтра пересмотрим наряды, какие на бал наденем. Хватит траура, надо жить начинать, и желательно хорошо. С утра пойдём в кабинет. Мне надо бумаги мужа посмотреть, чтобы я не хлопала глазами, когда наследники явятся делить наше добро. И не перечь мне больше. А сейчас иди к себе и хорошенько выспись. Посмотри, на кого ты похожа! Моль бледная, в чепце. Два дня впереди! Я намерена блистать, и тебя заставлю. Вот увидишь, мы тебя ещё замуж отдадим за какого-нибудь красавца!

Капитолина поперхнулась, замерла на секунду, а потом вдруг фыркнула и искренне рассмеялась, вытирая мокрые щёки.

— Теперь вижу, что тебе намного лучше, сестра. Язвить стала, как раньше, только ещё острее. Командовать... Слава Богу, ожила! Будут тебе и бумаги, и платья. Всё сделаю, Со-

фьюшка.

Она поднялась и, перекрестив меня, вышла. А я замерла в полумраке, глядя на танцующее пламя лампы.

Затем залезла в кровать и натянула одеяло на голову. План на завтрашний день был прост: информация — это власть. Если хочу выжить в этом веке, мне нужно понимать, сколько у графини Софьи осталось козырей в рукаве. По крайней мере, боевой настрой ко мне уже вернулся. Зубы у этой «беззащитной вдовы» скоро отрастут. И кусаться я буду больно.

Глава 9

Открыв глаза, я не сразу вспомнила, где нахожусь. Первой мыслью было: сейчас прозвенит будильник, я нащупаю телефон на тумбочке и побреду на кухню ставить чайник. И бегом в санаторий, к привычной суете. Вчерашний бред: Капа, наследники, покойный муж — всё это казалось дурным сном.

Но в комнате было слишком тихо. Ни гула машин за окном, ни писка смартфона. А потом я осознала: ушла давящая тяжесть в груди. Ещё вчера каждый вдох давался с трудом, перед глазами всё плыло, а ноги дрожали, стоило лишь спустить их с кровати.

Сейчас же тело наполняла ровная спокойная сила. Болельница отступила, причём так резко, словно её выключили по щелчку пальцев. Я всё ещё была здесь, в тридцатилетнем теле Софьи Раевской. Но теперь это тело было живым.

Не стала ждать ни сестру, ни прислугу и решительно встала. Голова не закружилась. Подойдя к высокому окну, я чуть отодвинула бархатную портьеру.

Петербургский апрель во всей своей меланхолической красе. Окна спальни выходили во внутренний двор-сад, отгороженный от набережной Мойки высокой кованой решёткой. Небо висело низко — жемчужно-серое, набухшее влагой. В саду царила ранняя весна: чёрная, блестящая от сы-

рости земля, голые ветви старых лип, на которых уже проклюнулись тугие почки. В глубоких тенях у забора всё ещё прятались грязные островки талого снега. Город только просыпался, и этот покой за окном странно резонировал с моим внутренним желанием немедленно начать действовать.

Налив себе из графина воды, я выпила её жадными глотками. Затем шагнула за плотную ширму. Вместо привычного фаянсового «белого коня» там стояло то самое кресло-горшок — реальность девятнадцатого века, к которой придётся привыкать. Оправившись, я накинула винного цвета шелковый халат, подбитый чем-то мягким, и решительно вышла из спальни.

Дом покойного генерала впечатлял. Тяжёлый мрачный ампир, кричащий о статусе. Широкий коридор тонул в полумраке, под ногами толстая ковровая дорожка, а со стен из золочёных рам на меня надменно взирали предки Раевского.

Из-за поворота выплыла монументальная фигура. Глафира. В своём белом переднике она походила на огромный айсберг. Увидев меня, она замерла, прижав руки к груди.

— Барыня... — выдохнула она, округлив глаза. — Что вы встали-то? Надо чего? Дёрнули бы за шнурок, я б мигом прибежала!

Я приблизилась к ней, чувствуя себя на удивление уверенно.

— Залежалась я, Глаша. Пройтись хочу. Сестра не вставала ещё?

— Никак нет-с, — Глафира всё ещё хлопала глазами. — Тишина в её покоях. Умаялись они с вами-то.

— Хорошо, пусть спит. А я умыться хочу. И не в спальне, душно там. Проводи меня в умывальную.

Слово сорвалось с языка так уверенно, словно я всю жизнь прожила в этом доме. На самом же деле я лишь надеялась, что в богатом особняке графа такая комната действительно существует.

— Веди.

Глафира торопливо закивала и, переваливаясь, поспешила к соседней двери. Это оказалась просторная уборная для переодеваний и гигиены. В центре у стены стоял стол с врезанной мраморной столешницей, на которой покоилась огромная фарфоровая чаша с изящным узором.

— Сейчас водицы принесу горячей, барыня, — спохватилась она, хватаясь за медные кувшины.

— Давай, Глаша. И холодной тоже приготовь. Будем приводить меня в чувство.

Великанша мгновенно испарилась, но через пять минут вернулась и принялась хлопотать. Следом за ней в умывальную бесшумно просочилась Капитолина. Женщина сонно зевнула, прикрывая рот ладонью, и пробормотала:

— Вот же ранняя птаха. Впрочем, ты всегда такой была. Как себя чувствуешь? — спросила она, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Великолепно, — искренне ответила я.

Сейчас «Капочка» выглядела совсем не так, как вчера. То же в свободном халате, с распущенными по плечам тёмными волосами, заспанная и немного помятая, она словно растеряла всю свою въедливую чопорность. Глядя на неё, я вдруг ясно осознала: а ведь сестра-то моя не такая уж и старая. Стоит только убрать эти старушечьи тряпки, приодеть по-человечески, и она будет очень даже ничего. На любителя, конечно, но определённая изюминка в ней точно есть.

Служанка суетилась вокруг нас, проворно смешивая горячую воду с холодной. Она заботливо поливала нам на руки из медного кувшина, а мы только довольно фыркали от удовольствия, переглядываясь и улыбаясь друг другу, как девочки.

Промокну́в лицо полотенцем, я обернулась к Глаше:

— В спальню я не вернусь. Хватит, належалась. Кровать разобрать полностью, матрасы вынести на воздух, пусть проветрятся. И перестелить всё свежим бельём. А я завтракать хочу.

Утреннюю трапезу накрыли в столовой. Мы даже не успели спокойно поесть, наслаждаясь тишиной дома, когда с улицы внезапно донёсся резкий стук копыт и громохание колёс по мостовой. Экипаж явно остановился прямо у нашего подъезда.

Капа замерла с чашкой в руке, и вся её утренняя мягкость разом испарилась.

— Принесло же кого-то с утра пораньше, — насторожен-

но пробормотала она. — Похоже, Раевские пожаловали...

Сестра испуганно оглядела наши утренние наряды, разом растеряв всю свою уверенность:

— Соня, мы же не одеты! Нельзя в таком виде...

— И не будем, — спокойно отозвалась я, отставляя чашку. — Глаша! Ступай в прихожую. Проводи гостей в малую гостиную, вели подать чаю и передай, что барыня скоро спустится. А как устроишь их — сразу бегом ко мне в спальню, поможешь одеться.

В своей комнате я честно превратилась в послушную куклу, полностью доверившись рукам служанки. Глафира ловко орудовала шнуровками, крючками и пуговицами, назначения которых я даже не понимала. Когда дело дошло до корсета, я едва сдержала вздох: дышать стало ощутимо труднее. Но спорить я не стала: к мужчинам без этой «брони» выходить было явно не принято.

Наконец, облачившись в строгое, но элегантное дневное платье, я вышла в коридор.

Плотные ковровые дорожки надёжно скрадывали шаги. Приблизившись к двустворчатым дверям гостиной, я уже протянула руку, чтобы войти, как вдруг замерла. Створки были прикрыты неплотно, и из образовавшейся щели отчётливо доносились мужские голоса.

— ...пойми, это единственный разумный выход, — уверенно вещал первый голос. Сомнений не было — это говорил Александр.

— Я женюсь на Софье. Если она, конечно, выживет.

— А я здесь причём? — недовольно огрызнулся второй.

— Я солдат, Алекс. Мне эта возня совершенно ни к чему.

— Тебе, братец, сто́ит присмотреться к Капитолине Алексеевне, — непререкаемым тоном продолжил Александр. — Выбора у них всё равно нет.

— Она бесприданница. И к тому же старая дева, — воскликнул Николай. — Да надо мной весь Петербург потешаться будет!

— Это всё пустое, — язвительно парировал Александр. — Зато тебе весьма кстати придётся место в Генеральном штабе, Николая. Или ты забыл, сколько просят за протекцию? А экипировка? А приёмы нужных людей? На одно твоё гвардейское обмундирование уйдёт годовой доход с небольшой деревеньки. Мои кредиторы уже обивают пороги, а твоё назначение висит на волоске из-за пустого кошелька.

— Но жениться на Капитолине... — голос Николая дрогнул, выдавая сомнение.

— Придётся пойти на жертвы, братец, — непререкаемым тоном продолжил Александр. — Да, она не графиня и некрасива. Но только так мы сможем держать их обеих в узде и сохранить всё состояние в наших руках. Либо их деньги, либо долговая яма для меня и глухой гарнизон на краю света для тебя.

Шорох шагов за спиной заставил меня вздрогнуть. Я резко обернулась и приложила палец к губам. Капа замерла, ис-

пуганно распахнув глаза, но послушно проглотила слова.

Выждав всего секунду, решительно нажала на бронзовые ручки. Створки дверей распахнулись почти бесшумно, и мы перешагнули порог малой гостиной.

Братья онемели. Александр, вальяжно опиравшийся на спинку кресла, дёрнулся и едва не выронил монокль. Николай, стоявший у окна, вытянулся по стойке смирно, словно перед ним материализовался призрак. Они смотрели на меня так, будто покойница лично явилась на свои поминки.

— Софья Алексеевна? — первым отмер Александр, натягивая на лицо маску тревожной заботы. — Душа моя, но как же... Врачи же предписывали вам строгий постельный режим!

Я не стала с порога бросать им обвинения. Вместо этого обвела их долгим прохладным взглядом, задержавшись на пунцовом лице Николая. Они всё поняли сами. Сообразили, что я стояла за дверью достаточно долго.

— Благодарю за заботу, Александр Николаевич, — ровным тоном произнесла я, медленно проходя к дивану и садясь с идеально прямой спиной. — Однако слухи о моём слабом здоровье сильно преувеличены.

Память услужливо подбрасывала обрывки прочитанного когда-то: исторические романы, статьи о быте XIX века, какие-то документальные передачи. Неожиданно весь этот багаж оказался весьма полезным.

— Я крайне признательна вам за то, что вы навещали нас

в эти скорбные дни, — продолжила я, чеканя каждое слово. — Но не смею больше отрывать вас от службы и дел. По завещанию покойного графа благоприобретённое имущество принадлежит мне, и именно я остаюсь хозяйкой этого дома и управительницей имения. По закону. Уверяю вас, мы с сестрой прекрасно справимся сами. А потому, пока суд не вынесет свои решения, нет никакой необходимости утруждать себя ежедневными визитами.

Александр побледнел, его губы сжались в тонкую линию. Попытка взять дом нахрапом провалилась с треском. Юридическая подкованность женщины, которую все привыкли считать удобной мебелью, выбила почву из-под ног. Мужчина быстро взял себя в руки. Лицо его разгладилось, и он выдал приторную, хотя и слегка перекошенную улыбку.

— Разумеется, дорогая невестка. Мы лишь хотели подставить плечо в эту трудную минуту. Раз вы чувствуете себя столь... бодро, мы не смеем больше докучать.

Он изящно поклонился, но в его глазах отчётливо мелькнула злая холодная искра.

Николай же густо покраснел, став почти пунцовым. Для офицера оказаться пойманным на таких постыдных разговорах за спиной у женщин было невыносимо. Он сухо щёлкнул каблуками, стараясь ни на кого не смотреть, и отрывисто бросил:

— Честь имею.

Сухо откланявшись, братья спешно ретировались. Едва

двери гостиной затворились, Капа с шумом выдохнула и рухнула в кресло.

— Соня... — выдохнула она. В её округлившихся глазах читался абсолютный чистый восторг. — Боже мой, как ты это сделала? Я думала, умру от страха, когда ты шагнула туда! А ты... ты говорила с ними так, будто сама пишешь эти законы! Они же слова не нашли в ответ! Ни за что бы не поверила, что Александра можно вот так... просто выставить за дверь!

Глава 10

Меня накрыл запоздалый откат. Адреналин, державший в тонусе последние пятнадцать минут, разом схлынул. Оставил после себя лишь противную дрожь в руках и гудящую голову. Я вцепилась пальцами в подлокотники, чтобы скрыть от сестры эту внезапную слабость.

— Что ж, Капитолина, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — смерть мужа и собственная болезнь заставляют на многое смотреть иначе. Приходит понимание, что нельзя позволять попирать ни свои права, ни память Сергея.

Капа смотрела на меня то ли с опаской, то ли с восхищением.

— Я всегда знала, что ты за словом в карман не лезешь. Но сегодня... Откуда в тебе эта холодность? Раньше ты просто злилась, а сейчас будто... — она запнулась, подбирая слово, — будто ты точно знаешь, что за тобой сила.

«Я просто другая», — тоскливо подумала я. Господи, я же обычная женщина из XXI века. Что я вообще творю? Играю в дворянку, пугаю местных аристократов законами, которых сама толком не знаю. Одно неверное слово — и меня сочтут сумасшедшей. Но отступать нельзя. Дашь слабинку — сожрут.

В дверь робко постучали. В гостиную тихонько вошла

молоденькая горничная, лица которой я раньше не видела. Следом за ней, тяжело, но уверенно ступая, вошёл пожилой мужчина в строгом сюртуке. Его цепкий умный взгляд мгновенно оценил обстановку.

Дворецкий? Управляющий? Внутри всё сжалось от паники: ни одного имени, не одной зацепки! Для меня он был абсолютным чужаком.

— Барыня, — почтительно, но с затаённым достоинством поклонился мужчина. — Изволили прогнать Александра Сергеевича? Прикажете теперь не пускать их вовсе?

Лихорадочно перебирая варианты ответа, я пришла к простому выводу: раз спрашивает так прямо, значит, братцев он тоже не жалуёт.

— Именно так, — я вздёрнула подбородок, глядя прямо на пока безымянного слугу. — Без моего личного распоряжения племянников мужа на порог не пускать. Вы меня поняли... — я сделала паузу, отчаянно надеясь на помощь сестры.

— Слышал, Архип Иваныч? — тут же вскинулась Капа. — Софья Алексеевна теперь сама всеми делами заправляет! Мысленно выдохнула. Архип Иванович. Отлично.

— Слава Богу, — с чувством произнёс старик. — А то ведь по миру бы пустили, ироды.

Я перевела взгляд на замершую у дверей девчушку-горничную. Она смотрела на меня с таким изумлением, будто не верила собственным глазам.

— Принеси воды, — велела я, закашлявшись.

— Чего стоишь, Дуня? Живо! — прикрикнула на неё сестра, и девчонка, вздрогнув, мышью метнулась вон из комнаты.

Дуня. Запомнила. Значит, у меня теперь есть Глаша, Дуня и этот старик с глазами мудрого коршуна. Я снова посмотрела на дворецкого, стараясь придать своему лицу выражение спокойной решимости.

— Архип Иваныч, распорядитесь, чтобы в кабинете покойного мужа подготовили всё к моему приходу. Я намерена просмотреть его бумаги. Нам предстоит провести полную ревизию дел.

Старик на мгновение замер. В его взгляде мелькнуло удивление: видимо, «прежняя» Софья в кабинет генерала носа не совала. Но яркая эмоция быстро сменилась чем-то похожим на скупое одобрение.

— Слушаюсь, Софья Алексеевна. Позвольте узнать, когда прикажете? Книги и счета там в полном порядке-с, Сергей Александрович аккуратность любили.

— Через час, — отрезала я. — И велите, чтобы мне не мешали.

Когда за мужчиной закрылась дверь, я позволила себе, наконец, откинуться на спинку дивана и закрыть глаза. Капа тут же оказалась рядом, прижимая ладонь к моему лбу.

— Соня, ты очень бледная! Может, не стоит сегодня? После такого-то потрясения... Тебе нужно беречь силы: после-

завтра бал! Весь свет будет, — в голосе квохчущей наседки-сестрицы смешивались предвкушение и тревога.

Бал. Это слово пульсировало в висках, как приговор. Через два дня я ступлю на настоящее минное поле. Я не помню лиц, не знаю местных сплетен, понятия не имею, кто кому сват, брат или заклятый враг. Любая светская беседа может обернуться катастрофой. Значит, тактика должна быть безупречной в своей простоте: я — скорбящая вдова, едва оправившаяся после тяжёлой лихорадки. Буду мило и отстранённо улыбаться, кивать и ссылаться на туман в голове от слабости. Моя единственная цель — появиться там, засвидетельствовать почтение, не ляпнуть лишнего и под предлогом дурноты сбежать через час, максимум полтора. Выжить и свалить по-тихому. Иначе этот высший свет раскусит меня быстрее, чем жадные родственники. «Спокойно», — приказала я себе, чувствуя, как внутри ворочается холодный комок страха.

В комнату вернулась Дуня с подносом. Вода в хрустальном стакане едва заметно дрожала, ловя солнечные блики. Я жадно отпила, чувствуя, как прохладная влага понемногу приводит меня в чувство. Нужно идти в кабинет. Но прежде — избавиться от этого жуткого приспособления под названием корсет и, наконец, вдохнуть полной грудью.

— Пойду прилягу, — я со стуком поставила пустой стакан на поднос и посмотрела на сестру: — Капа, приходи через час. Вместе сходим и посмотрим, что там с бумагами.

Капа послушно кивнула, в её глазах всё ещё плескалось пережитое потрясение. Я же перевела взгляд на замершую горничную:

— Дуня, идём. Поможешь мне переодеться.

Следующий час стал для меня настоящим спасением. Когда ловкие пальцы Дуни распустили тугую шнуровку, я едва не застонала от облегчения. Дышать! Какое это счастье — просто нормально дышать. Оставшись в свободном домашнем платье, я отпустила девчонку, рухнула на кровать и закрыла глаза. Сон не шёл, но эти шестьдесят минут спасительной тишины позволили унять нервную дрожь.

Ровно через час в дверь деликатно постучали.

— Соня? Ты готова? — донёсся приглушённый голос.

Кабинет покойного генерала Раевского встретил нас запахом дерева, переплётов и пыли, осевшей на книжных полках. Здесь царил суровый армейский порядок: дубовый стол, массивные шкафы, ни одной лишней безделушки.

Сестра уверенно прошла мимо стола к углу комнаты, где за декоративной деревянной панелью скрывался вмонтированный в стену железный сейф.

— Вот, — она указала на него тонким пальцем. — Вексель, закладные и наличные деньги должны быть здесь. Но... — сестра повернулась ко мне и растерянно моргнула. — Я понятия не имею, где ключ. Ты не помнишь? Сергей тебе его не отдавал?

Она выжидательно уставилась на меня. А я мысленно за-

стонала. Откуда мне знать?! Я в этом доме без году неделя! Точнее, второй день...

— Ключ, — протянула я, потирая виски, словно пытаюсь унять головную боль и заодно поймать ускользающую мысль. — Знаешь, мне кажется... кажется, он что-то такое упоминал.

Я подошла столу, за которым, очевидно, работал генерал. Вряд ли военный человек стал бы носить ключ от сейфа на шее или прятать в бельевом шкафу. Скорее всего, он должен быть под рукой, но не на виду. В моём времени мастера обожали делать потайные ящики в дорогой мебели. А уж в девятнадцатом веке секретеры с двойным дном — вообще классика жанра. Нужно только проверить. Проведя рукой по гладкому сукну столешницы, я опустила на корточках и заглянула под неё.

— Что ты делаешь? Соня... — изумлённо ахнула сестрица. — Тебе дурно?

Она с тревогой шагнула ко мне.

— Может, всё-таки позовём Архипа Иваныча?

— Нет, постой. Дай мне минуту, — пробормотала я, просовывая пальцы между верхним ящиком и столешницей. Там, в самом углу, пальцы наткнулись на небольшой деревянный выступ. Я с силой нажала на него.

Раздался тихий щелчок. Сбоку тумбы, где до этого была сплошная деревянная панель, чуть приоткрылась узкая щель.

Подцепив край ногтями, потянула на себя. Выехал крошечный плоский ящичек. Внутри, на выцветшем зелёном бархате тускло блеснул витиеватый железный ключ.

— Нашла, — я выпрямилась, с облегчением демонстрируя находку оцепеневшей сестре.

Капочка смотрела на ключ так, словно я только что достала из тайника живую мышь.

— Надо же... Я столько раз бывала в этом кабинете и даже не подозревала о тайнике! Ты вспомнила?

— Память — странная штука, руки сами потянулись, — я устало пожала плечами, стараясь скрыть внутреннее ликование. — Иди сюда. Давай посмотрим, какие сюрпризы ждут нас внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.